

А. А. Калашников

*Алтайский государственный педагогический университет
(г. Барнаул, Россия)*

ИДЕЯ УЧРЕДИТЕЛЬНОГО СОБРАНИЯ И ЕГО РОЛЬ В СПАДЕ КРЕСТЬЯНСКОГО ДВИЖЕНИЯ НА ТЕРРИТОРИИ АЛТАЙСКОЙ ГУБЕРНИИ В 1917 Г.

В данной статье на основе делопроизводственной документации, отложившейся в фондах Государственного архива Алтайского края, и материалов периодической печати автором освещаются взгляды алтайского крестьянства на решение аграрного вопроса в 1917 г., а также рассматривается влияние подготовки к созыву Учредительного собрания на крестьянское движение в Алтайской губернии. Автор приходит к выводу, что крестьяне Алтая предполагали значительно расширить свой земельный фонд в результате предстоящей земельной реформы. Лес, по мнению крестьян, должен был стать народной собственностью. По мнению автора, исходя из данных, подаваемых крестьянами Алтая земельным комитетам, их желания изначально не могли бы быть удовлетворены в полной мере. Автор приходит к выводу, что изменение интенсивности и форм аграрных беспорядков на территории округа следует связывать с подготовкой к созыву Учредительного собрания. Надежды на его решения побуждали крестьян к соблюдению законности по отношению к государственной собственности, которая по решениям Учредительного собрания могла стать их личной. Накануне созыва Учредительного собрания алтайские крестьяне возобновляли платеж аренды за землю, но не стеснялись рубить леса, что, по мнению автора, объясняется ориентацией окружного населения на будущие решения этого органа: крестьяне воспринимали статус лесов губернии в качестве «промежуточного» и пытались взять от них все, что на тот момент могли.

Ключевые слова: Алтайская губерния, Алтайский округ, 1917, Учредительное собрание, крестьянское движение, аграрные беспорядки, земельные комитеты, крестьянство

После февраля 1917 г. течение общественной жизни в Алтайском округе оказалось нарушенным. После роковых событий, впоследствии названных Февральской революцией, на протяжении всего 1917 г. на территории округа не прекращались аграрные беспорядки, однако их интенсивность, районы и формы менялись в течение года. Внимание всего российского общества было приковано к подготовке Учредительного собрания, которое должно было решить актуальные проблемы российской государственности. Исключением не был и Алтайский

округ (с 17 июня 1917 г. — губерния), для которого Учредительное собрание должно было стать событием определяющим в силу еще недавней принадлежности обширных ресурсов округа Кабинету е. и. в. Со второй декады марта сельское население начало выступать против ведомственной администрации и принялось за планомерное истребление лесных ресурсов округа. Начало массовых земельных захватов в изучаемый период объясняется историками наступлением времени пахоты и сенокосения [27]. Спад крестьянского движения связывается ими с его успехами, т. е. с формальной ликвидацией кабинетского землевладения на территории округа, а также с осознанием населением округа пагубности для лесного хозяйства своих действий [20]. По нашему мнению, ориентация населения Алтайского округа на будущие решения Учредительного собрания являлась одной из причин изменения форм и интенсивности аграрных беспорядков (крестьянского движения) на территории округа. На основе анализа рапортов лесничих, резолюций крестьянских съездов и собраний, прошений, поступавших в Алтайский губернский земельный комитет, ведомственных отношений, постановлений сельских обществ, опросных листов для подготовки к Учредительному собранию и данных по волостям, собранных земельными комитетами, протоколов заседаний ведомственной администрации и материалов периодической печати мы предпринимаем попытку осветить взгляды крестьянства Алтая на решение аграрного вопроса, а также оценить воздействие подготовки к созыву Учредительного собрания на крестьянское движение в Алтайской губернии.

Население Алтайского округа встретило известие о падении монархии с энтузиазмом. В первом обращении Временного правительства было сказано о «немедленной подготовке к созыву на началах всеобщего, равного, прямого и тайного голосования Учредительного собрания, которое установит форму правления и конституцию страны» [3]. П. А. Казанский во время своей речи 8 марта в Алтайском кредитном союзе провозгласил: «Теперь наш самодержец, наш глава — сам русский народ! И задача данного момента — осветить все ярким светом знания, сохранить порядок и спокойно подготовляться к созыву Учредительного собрания» [21]. Начальник Алтайского округа Л. Л. Маслов писал, что он «является ответственным хранителем казенного имущества, состоящего из земель и лесов округа впредь до Учредительного собрания» [2]. Как отмечали алтайские газеты, Учредительное собрание должно решить местные вопросы: о кабинетских землях, об устройстве «инородцев» Горного Алтая, о наделении земель непричисленных крестьян [21].

К 1917 г. идея Учредительного собрания имела в России более чем столетнее прошлое [28]. Отношение крестьян Алтая к данному органу достаточно ярко демонстрируют анкеты, заполнявшиеся делегатами Алтайского округа во время участия в Томском губернском народном собрании (20 апреля — 18 мая 1917 г.). Все делегаты высказались за Учредительное собрание, но понятие о нем как о высшем органе власти были очень смутны. Однако из анкет видно, что крестьянство ждало от Учредительного собрания нового строя без царя, новых справедливых законов, просвещения, разрешения земельного вопроса, отмены ряда налогов и повинностей, введение прогрессивно-подходящего налога [24]. В резолюции съезда крестьянских депутатов Славгородского уезда, проходившего 18—24 июня 1917 г. говорилось: «Учредительное собрание, которое должно перестроить русскую жизнь на новых, справедливых началах... издаст новые справедливые земельные законы, которые будут согласованы с нашими основными требованиями» [29]. Необходимо отметить, что подавляющая часть крестьян и в 1917 г. оставалась вне политики, крестьянами двигал социальный идеал «земли и воли», который не был связан с конкретными политическими формами [28]. Но именно аграрный вопрос являлся импульсом, гнавшим затем крестьян на избирательные участки. Основная масса населения, весьма туманно представлявшая себе конституционное государство, понимала Учредительное собрание как однократное событие, способное сразу же решить все насущные проблемы, благодаря чему оно превращалось в их глазах в некий абсолютизм, фетиш [25]. В результате длительной пропаганды требования созыва Учредительного собрания в сознании крестьян прочно утвердилась надежда на то, что, избрав «своих» представителей в него, они добьются решения всех своих нужд, добьются облегчения своего положения и главное — получат землю [33].

Хотя крестьяне и пытались решать аграрный вопрос самостоятельно, не дожидаясь правительственных узаконений, они привычно не могли быть спокойны без санкции свыше [28]. Постановление 27 марта 1917 г. передавало кабинетские земли в собственность государства. Власти объявили, что земли бывшей царской фамилии не должны ни отчуждаться, ни делиться вплоть до Учредительного собрания. Кабинетские леса Алтайского округа, до этого имевшие статус не то частных, не то казенных (характер собственности на них можно определить через термин «частная», но законодательные акты, касавшиеся частных лесов на округ не распространялись) [30], также переводились в разряд государственных. Тем не менее, данный закон на местах игнорировался. Вот как отзывался о действовавшем в то время законодательстве во время

2 сессии Алтайского губернского земельного комитета К. М. Рычков: «Но дело не только в том, чтобы закон «существовал», т. е. был написан, дело еще в том, чтобы закон действовал, т. е. принялся в жизни как именно закон» [10]. По справедливому замечанию Г. П. Жидкова, перемены, происходившие в Петрограде, напоминали не ликвидацию кабинетской собственности, а скорее изменение способа управления ею [20]. Паллиативный характер постановления от 27 марта, в сущности, оставившего все управление бывшей кабинетской собственностью в руках прежних чиновников, отмечался также Н. Ф. Иванцовой, М. О. Тяпкиным и С. Е. Поляковым [24, 31]. Даже в газете «Жизнь Алтайя» в статье, помещенной в ноябре 1917 г., т. е. более чем через полгода после перевода кабинетских земель в разряд государственных, вопрос о землях Кабинета считался все еще открытым и ждал своего решения на Учредительном собрании [21].

По всей видимости, решение Временного правительства не устраивало население округа. Здесь хочется процитировать М. В. Вишняка: «Как для псаломщика, живой пес казался лучше мертвого льва, так и здесь — всякий в жизни осуществленный закон был лучше закона совершенного, но осужденного остаться вне жизни, мертвым» [4]. К тому же, после падения монархии, у крестьянской массы сформировалось своеобразное представление о государственной собственности. Отождествляя собственность «государственную» с «народной», сельское население округа начинало самостоятельно ею распоряжаться. В сентябрьском постановлении Шаховского волостного народного собрания говорилось о том, что бывшие кабинетские земли будет необходимо прирезать к земельным наделам по волости, по всем остальным же хозяйственным вопросам следует ждать реформы Учредительного собрания [5]. Жители Зимовской волости, осуществив захват бывших кабинетских земель, отказывались вносить за них арендную плату, ссылаясь на то, что эти земли после Учредительного собрания будут принадлежать им. Только успешная агитационная деятельность члена губземкома Н. М. Ускова заставила захватчиков изменить свое решение — население волости согласилось вносить плату за захваченные земли [10]. В Чумышском лесничестве в июне крестьяне отказывались брать билеты от лесничего на право аренды земель до Учредительного собрания, «так как они считают бывшие кабинетские земли своими» [10]. По всей видимости, после отречения императора население воспринимало себя в качестве его прямого наследника. Иначе трудно объяснить предвзятое отношение крестьянской массы к кабинетской собственности. «При существующем положении вещей все эти экспроприированные бывшими монархами земли безболезненно и

без всяких вознаграждений переходят тому, кому по праву они и принадлежали, т. е. — народу» [26], — говорилось в одной из статей томской газеты.

По постановлению Временного правительства и Алтайского губернского земельного комитета земля могла быть сдана в аренду только на 1 год и без права застройки впредь до Учредительного собрания. Кроме того, были запрещены самовольные переселения и подселения на территории губернии. Безусловно, крестьянство желало организованной борьбы за землю, но оно желало не захватов, а прочного завоевания [21]. Несмотря на обширные земельно-лесные ресурсы округа, к 1917 г. в нем насчитывалось не менее 350 тыс. непричисленных переселенцев. Имелись целые селения, которым было отказано в наделах (арендные поселки). Непосредственно перед революцией в пользовании крестьян находилось лишь 59 % всех земель округа, остальные же — в распоряжении Кабинета [24]. Лесные наделы по данным А. А. Храмова и вовсе получили только 41,6 % селений [32]. На 2 сессии Алтайского губернского земельного комитета был заслушан доклад агронома А. Е. Буторина и статистика Д. И. Зверева о том, что в округе имеется удобной земли около 1 млн. дес., и из этой площади есть лишь 500 тыс. дес. свободной от аренды [21]. Таким образом, при уравнительном делении свободной земли на душу приходилось бы чуть более 1 дес. При этом следует учитывать, что поток беженцев не прекращался. Для того чтобы количество земли на одну непричисленную душу стало достаточным для ведения хозяйства, руководству округа пришлось бы включить в оборот уже сданные в аренду земли, а это могло грозить малоземельем. В связи с этим Губернским земельным комитетом было решено оставить земельный фонд в 500 тыс. дес. нетронутым.

Исходя из данных Н. Ф. Иванцовой, мы можем отметить, что в марте-апреле 1917 г. основной формой аграрных беспорядков были массовые порубки леса, а с мая, с началом сева и приближением сенокоса, неуклонно вырастает количество земельных захватов [23]. По сравнению с предшествующим периодом количество захватов пахотных и сенокосных угодий в течение мая-июля выросло почти в 3 раза. К осени по сравнению с летними месяцами захваты земель сократились в 10 раз, а порубки леса в 3 раза [24]. Г. П. Жидков также определяет данное время как время «затишья» [20]. С. Е. Поляков отмечает, что ситуация в округе начинает постепенно улучшаться уже со второй половины июля, несмотря на то, что в ленточных борах и южных лесничествах ситуация оставалась достаточно сложной [27]. Управление Алтайского округа и лесничие объясняли сокращение числа порубок в

августе сенокосом, «горячим временем полевых работ», наступлением страды [19]. К ноябрю захватнические настроения крестьян ослабевают еще больше. В Алтайский губернский земельный комитет поступали прошения от непричисленных крестьян: «Желая по гражданскому праву пользоваться на одинаковых с обывателями (имеется в виду старожильческое, официально причисленное население округа — А. К.) как землею, так и лесными материалами на законном основании, и не захватывать все это самовольно» [9]. На наш взгляд, такие настроения даже непричисленного населения, фактически не имевшего «легальных» средств на существование, говорят о значительной перемене во взглядах крестьянской массы, ждавшей официального решения их насущных проблем.

Постановлением Временного правительства на земельные комитеты возлагались обязанности по сбору и подготовке для Учредительного собрания сведений о землепользовании и землеобеспечении, а также урегулирование земельных отношений в течение переходного периода [22]. По нашему мнению, значительное сокращение количества крестьянских выступлений осенью 1917 г. связано с усиленной деятельностью Алтайского губернского земельного комитета. Изначально крестьянство не хотело ждать ликвидации «царского поместья» до Учредительного собрания [2]. Но, увидев реальную подготовку губернии к Учредительному собранию, крестьянская масса решила всячески этой подготовке содействовать. Уже с августа представители губземкома командировались в селения для урегулирования хозяйственных вопросов [13, 25, 34]. Помимо просветительской деятельности представители земельных комитетов совместно со специалистами от Землеустройства Алтайского округа занимались сбором сведений о количестве земель сельскохозяйственного пользования, а также анкетированием местного населения в целях учета его нужд для успешного ведения хозяйства. Учитывались сведения о состоянии крестьянских хозяйств, их доходности, о количестве безземельных душ, о предложениях крестьян по расширению своего земельного фонда и пр. Цели переписи в наиболее понятной для крестьян форме были изложены в воззвании к гражданам Бийского уезда, помещенном в августовском номере газеты «Алтай»: «Чтобы установить справедливые законы о земле, обязательно нужно знать, сколько земли и на каких правах есть во владении у граждан и какое хозяйство на этой земле устроено» [1]. Сведения для Учредительного собрания должны были быть собраны волостными земельными комитетами и отправлены в Алтайский губернский земельный комитет не позднее 10 сентября [6].

Для земельных комитетов сбор данных сведений, продолжавшийся до конца 1917 г., был настоящей проблемой, потому что объективные данные было получить очень трудно. Залесовский волостной исполком и земком отмечали в своих постановлениях, что сбор сведений был затруднен, так как народ не мог прийти к общему мнению, а сами жители давали неточные сведения [8, 5]. Это подтверждают данные, собранные и по другим волостям.

Таблица 1

**Результаты опросов земельных комитетов о нуждах
и доходности крестьянских хозяйств по некоторым селам
Алтайской губернии (Шаховская волость)**

Село	Безземельных по селу	Кого следует наделить землей	Сколько земли необходимо на надельную душу населения
с. Власихинское	344	всех едоков (м. и ж.)	7 дес.
с. Шаховское	32	всех едоков	15 дес.
с. Давыдово-Логовское	79	всех едоков (м. и ж.)	10 дес.
с. Харьковское	238	всех едоков (м. и ж.)	7 дес.
с. Гоньбинское	214	всех едоков (м. и ж.)	7 дес.
с. Касмалинское	85	все население мужское и женское	6 дес.
с. Быковское	73	всех едоков (м. и ж.)	10 дес.
с. Чернопятвовское	206	все население (м. и ж.)	8 дес.
с. Черемно-Подгорновское	19	все мужское население	15 дес.
с. Телецкое	17	всех едоков без различия возраста	5 дес.
с. Елунинское	20	все мужское население	15 дес.
-	43	все население мужское и женское	6 дес.

Составлено по: [5]

Например, в селах Шаховской волости Барнаульского уезда жители не могли определить не только нормы среднедушевого земельного надела (таблица 1), но даже не могли сойтись во мнении о размере среднегодового прожиточного минимума на одного человека (цифры, поданные в различных селах волости, отличались порой в 3 и более раз) [5]. Следует отметить, что крестьяне намеренно завышали цифры: так, согласно данным от общества с. Шаховского «годный работник» с

подростком и женщиной при однолемешном плуге и 4 лошадях может обработать до 25 дес. земли, тогда как в других селениях этой же волости цифры были примерно в 2—3 раза меньше [5]. Связано это было не только с жадностью, свойственной людям, впервые дорвавшимся до власти (при подготовке земельной реформы все участники так или иначе чувствовали себя властью, для крестьянства, стремившегося к улучшению своего положения, это был апофеоз народовластия), но и с представлениями крестьянства об обширности земельных ресурсов округа, к тому же каждый крестьянин думал и о семье, желая обеспечить ей безбедное существование, в т. ч. в будущем. Показательным следует считать то, что в опросных листах пункт о размере необходимого надела земли касался лишь причисленного населения. Осознавая, что без учета нужд непричисленных крестьян аграрные проблемы внутри волости решить не удастся, некоторые из них (например, Боровская волость) специально в своих ответах конкретизировали, что справедливым может быть лишь наделение как причисленного населения, так и нет [8]. Постепенно опросные листы совершенствовались, с октября речь в них уже шла о трудовом народе в целом, без различия причисленного и непричисленного населения, появились вопросы, касающиеся леса, отношения к собственности [7].

Таблица 2

**Сведения волостных земельных комитетов
для подготовки к земельной реформе в Алтайской губернии
(по Славгородскому уезду)**

Волостной земком	Какие земли подлежат передаче трудовому населению	Норма земельного обеспечения	Отношение к частной собственности на землю	Порядок отвода земли (обществам, подворно, отдельным хозяйствам и т. д.)	Кто должен заниматься отчуждением частновладельческих земель	Кому должно перейти завладение лесами
Златопольинский	Казенные, церковные, монастырские, частновладельческие и др.	20 дес. на каждую душу	Быть не должно	Различный	Временное правительство	Трудовому народу
Каинский	Церковные, кабинетские	25 дес. на каждую душу	—	Общинам с возможностью переделов внутри	—	—

Волостной земком	Какие земли подлежат передаче трудовому населению	Норма земельного обеспечения	Отношение к частной собственности на землю	Порядок отвода земли (обществам, подворно, отдельным хозяевам и т. д.)	Кто должен заниматься отчуждением частновладельческих земель	Кому должно перейти заведение лесами
Благодатский	Церковные, кабинетские	20 дес. на каждую душу	Быть не должно («по волости нет»)	подворно	(«по волости нет»)	В руки народа («казенных лесов в районе волости нет»)
Знаменский	Казенные, кабинетские, церковные	15 дес. на каждую душу	Отчуждаются	Сельским обществам	Трудовой народ на местах отчуждений	В руки народа (часть на нужды волости, а часть под наблюдение земства)

Составлено по: [7]

Исходя из сведений, собранных волостными земкомами Славгородского уезда (таблица 2), мы видим, что мнения крестьян по волостям даже в масштабах одного уезда отличаются, однако, можно выделить общие крестьянские стремления, такие как: желание занять бывшие кабинетские земли, а также церковные и монастырские; отрицательное отношение к частной собственности (хотя понималось данное понятие везде по-своему, например, где-то оно ассоциировалось с мощными предпринимательскими хозяйствами, которые, по мнению трудового народа, были не нужны); наблюдаются общие стремления крестьянства к самостоятельному распоряжению лесами; норма земельного надела должна была быть не ниже 15 дес. на душу, причем не учитывая пол и возраст. Интересным следует считать также то, что наделять землей следовало бы при этом лишь людей, которые полностью посвятят свою жизнь земледелию, не одобрялось даже отходничество.

Стремление крестьян занять бывшие кабинетские земли объясняется остротой переселенческого вопроса на территории губернии.

И. В. Лаврентьев на заседании 2 сессии Алтайского губземкома «вынес впечатление, что население желало бы... непричисленным гражданам дать земельный надел из бывших кабинетских, а не из наделных земель» [10]. Так решалась бы проблема малоземелья внутри селений, а также снижалась бы социальная напряженность. По постановлению Белоярского народного собрания от 19 ноября 1917 г., зачитанном на 4 сессии Алтайского губземкома, «до решения Учредительным собранием вопроса о лесах — наделить непричисленных граждан, проживающих в их селении, своим лесом не могут, а желают наделить их из общего народного леса (казенного)» [12]. Видимо, наделный лес воспринимался крестьянами уже в качестве их личной собственности.

На основе сведений, собранных земельными комитетами, весной 1918 г. в губернии началась реализация земельной реформы. В докладе председателя Алтайской губернской земельной управы И. К. Петрова общему съезду земельных комитетов Алтайской губернии, проходившего 27 февраля — 14 марта 1918 г., было отмечено, что население региона «в своих ответах на запросы о земельных наделах выражало различные желания», поэтому работниками управы были произведены расчеты для всех основных пожеланий с целью выяснения возможности их удовлетворения земельным фондом губернии [14]. Так, по подсчетам членов управы, если дать землю только рабочему населению с 15-ти лет до потери трудоспособности, то давая 1-го сорта земли по 8 дес., 2-го по 9 дес., 3-го по 10 дес., 4-го по 11 дес., земли в губернии хватит, но учитывая постоянный приток переселенцев, такое наделение было бы нецелесообразным [14]. Если же наделить все население мужского и женского пола всех возрастов, то на всех хватит только: 1-го сорта по 4 дес., 2-го по 4,5 дес., 3-го по 5 дес., 4-го по 5,5 дес. [14]. Съездом было решено проводить наделение землей по едокам, однако возможности округа не соответствовали желаниям крестьянства.

К осени 1917 г. выплаты населения губернии за землю начали поступать земельным комитетам и Управлению округа. Вопрос о причинах резкого изменения отношения крестьянской массы к уплате аренды остается нерешенным в историографии. По нашему мнению, возобновление арендных платежей, в том числе и за захваченные земли, было связано с непосредственной близостью созыва Учредительного собрания. Мы считаем, что таким образом крестьяне рассчитывали на сохранение за собой собственности на приобретенную землю.

В это время крестьяне вводят различные санкции, препятствовавшие самовольным переделам земли и самовольным порубкам. Тем не менее, отношение к государственной собственности в некоторых селениях все еще было различным. Так, Савинским волостным земельным

комитетом было постановлено, что самовольная распахка наказывалась штрафом в размере 25 руб. за каждую распаханную десятину [8]. Согласно постановлению Ребрихинского волостного земкома от 19 ноября 1917 г., за каждый вершок срубленного дерева с порубщика было необходимо взыскивать по 1 рублю (в пользу земкома) [8]. А вот крестьяне сел Шадрухи и Ляпуново продолжали аграрные беспорядки, утверждая, что лес и земля есть достояние народа [7]. Члены Змеиногорской уездной земельной управы, прибывшие туда для успокоения населения, по решению народного собрания едва не оказались под арестом. В с. Лебяжьем осенью был составлен протокол на несколько самовольных порубщиков. Затем протокол был отправлен в лебяженский исполком, который в свою очередь отказался предъявлять его порубщикам, в виду того, что считал лес своим [11].

Характерное явление того времени — запрет рубки сырораствующего и строевого леса народными собраниями. При этом разрешалась бесплатная рубка сухостоя, бурелома, гарей, но по билетам, выданным местным земкомом. Однако даже таких льгот населению было мало. Никто не мог уследить за тем, чтобы селяне, беря билеты на рубку сухостоя, не пошли рубить тот лес, который они захотят. Иногда общественники отказывались рубить даже лес, клейменный лесной стражей, объясняя это его «недоброкачеством» [7]. Порой от солдат, рубивших лес не по билетам, приходилось слышать: «На позиции вместо ржаного хлеба ели белый. И здесь, если нет дровяного, то будем рубить строевой» [17].

Стремление к законности, глубоко коренившееся в крестьянском сознании, опиралось на убеждение, что земля, дар Божий, не является ничьей собственностью и должна принадлежать тем, кто ее обрабатывает [22]. К тому же необходимо учитывать и политику Управления Алтайского округа, которое де-юре пыталось противодействовать самовольным захватам земли, де-факто же занималось взысканием платежей с уже захваченных казенных земель [13]. Интересным следует считать то, что после спада земельных захватов вновь актуализировались массовые порубки леса (хотя и в значительно меньшей степени, чем в весенние месяцы). В рапорте соляно-озерского лесничего сообщалось, что граждане одного из селений не хотят брать билеты на порубку леса, потому что «до Учредительного собрания никаких билетов быть не может» [18]. Видимо, крестьяне Алтай желали взять от леса все, что в данный момент могут, осознавая, что Учредительное собрание непременно коснется и лесного вопроса, и неизвестно, изменится ли после него статус лесов в лучшую для крестьян сторону или нет. К тому же, освободившись от полевых работ, крестьяне теперь могли вновь обратиться к

порубкам, тем более, что нужно было основательно подготовиться к зиме. Коробейниковский лесничий в своем декабрьском рапорте Управлению Алтайского округа писал: «Теперь же, когда население видит, что к прекращению самовольных порубок никаких мер не принималось — трудно восстановить порядок, — даже при содействии местных земельных комитетов» [17]. Стоит учитывать, что крестьяне совершали самовольные порубки леса, осознавая противозаконность своих действий. Данное утверждение иллюстрирует случай, описанный начальником Алтайского округа в отношении Алтайскому губернскому комитету. По сообщению тополинского лесничего, в лесничестве которого крестьяне в день вывозили из леса до 300 подвод, «остановить указанное расхищение леса, как это выясняется при разговорах с более сознательным элементом населения, возможно лишь при условии принятия немедленных и крутых мер, т. к. население хотя и расхищает лес, но ответственности все-таки боится (например, при проезде мимо квартир стражи порубицики гонят лошадей изо всех сил)» [7].

После октябрьских событий 1917 г. крестьянская масса была все еще далека от политики. Однако сам факт смены власти являлся для населения округа показателем ее непрочности. Ослабление власти в центре вело к потере ее авторитета на местах [27]. Тем не менее, крестьянская масса видела в земельных комитетах власть законную, потому как их деятельность была связана с предстоящим Учредительным собранием. Осенью крестьяне вносили в земельные комитеты деньги за пользование землей, что говорит о доверии крестьянской массы данному органу власти. Новости же о том, что большевики узурпировали власть, возбудили панические настроения среди крестьянской массы. Ведь после этого Учредительное собрание могло быть отодвинуто на неопределенный срок, а его подготовка оказалась под угрозой срыва. В связи с этим происходили курьезные случаи, когда было достаточно указать пальцем на человека, сказав «большевик», как он мог стать жертвой «дикой расправы» [21].

Итак, «полумеры» и локальные акты, предпринимаемые Временным правительством и местными органами власти для решения аграрного вопроса, не устраивали алтайское крестьянство. Несмотря на довольно туманные представления населения Алтайской губернии о таком значимом органе как Учредительное собрание, на него возлагались определенные надежды. Оно должно было решить актуальные для губернии проблемы: кабинетских земель, устройства «инородцев» Горного Алтая, наделения землей непричисленных крестьян. Сельское население губернии предполагало значительно расширить свой земельный фонд в результате предстоящей земельной реформы, желательно, наделив все

население по душам. Лес, по мнению крестьян, должен был стать народной собственностью, а не государственной. Несмотря на смутные представления крестьянства о характере частной собственности, значительная его часть выступала против нее, при этом считая, что собственность на землю должна принадлежать лишь людям, ее обрабатывающим. Учитывая данные, подаваемые крестьянами Алтай земельным комитетам, мы можем утверждать, что их желания изначально не могли бы быть удовлетворены в полной мере, а разница в подаваемых цифрах даже от сел одной волости не позволяла порой прийти к единому мнению на местах, что затрудняло подготовку реформы.

Подготовкой к Учредительному собранию на местах занимались земельные комитеты. Сбор сведений, агитационная работа служащих алтайских земкомов в деревне в летне-осенние месяцы 1917 г. способствовали смене радикальных настроений крестьянской массы на более лояльные по отношению к имуществу округа. После начала планомерной подготовки Алтайской губернии к грядущему Учредительному собранию алтайские крестьяне отказывались от дальнейших земельных захватов, возобновляли платеж аренды, но вновь преступали к рубке леса, хотя и в гораздо меньших размерах, чем ранее. По нашему мнению, изменение интенсивности и форм аграрных беспорядков на территории округа следует связывать с подготовкой к созыву Учредительного собрания, надежды на решения которого побуждали крестьян к соблюдению законности по отношению к государственной собственности, которая, исходя из решений Учредительного собрания, могла стать их личной. В канун столь важного события алтайские крестьяне не стеснялись рубить леса, и мы считаем, что это также объяснимо ориентацией окружного населения на будущие решения Учредительного собрания: крестьяне воспринимали статус лесов губернии в качестве «промежуточного», но никак не государственного. В дальнейшем, несмотря на начало реализации земельной реформы с учетом пожеланий населения и ресурсов губернии, она не была осуществлена в полном объеме, значительная часть земли с приходом белой власти в губернии была вновь отчуждена от недавно приобретших ее крестьянских хозяйств. Крестьяне, не дождавшиеся Учредительного собрания и решения своих насущных вопросов, были вынуждены вновь вернуться к самостоятельному решению своих проблем. С зимы 1917—1918 г. в губернии с новой силой продолжились аграрные беспорядки.

Список литературы

1. Алтай: газета внепартийная, прогрессивная. — Бийск, 1917.
2. Борьба за власть Советов на Алтае / под ред. Т. А. Кулакова. — Барнаул, 1957. — 463 с.

3. Вестник Временного правительства. — Петроград, 1917.
4. Вишняк, М. В. Всероссийское Учредительное Собрание / М. В. Вишняк; сост., автор вступ. ст. и коммент. А. Н. Медушевский. — М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. — 448 с.
5. Государственный архив Алтайского края (ГААК). — Ф. 229. — Оп. 1. — Д. 7.
6. ГААК. — Ф. 229. — Оп. 1. — Д. 10.
7. ГААК. — Ф. 229. — Оп. 1. — Д. 11.
8. ГААК. — Ф. 229. — Оп. 1. — Д. 12.
9. ГААК. — Ф. 229. — Оп. 1. — Д. 13.
10. ГААК. — Ф. 229. — Оп. 1. — Д. 20.
11. ГААК. — Ф. 229. — Оп. 1. — Д. 25.
12. ГААК. — Ф. 229. — Оп. 1. — Д. 34.
13. ГААК. — Ф. 229. — Оп. 1. — Д. 5.
14. ГААК. — Ф. 229. — Оп. 1. — Д. 90.
15. ГААК. — Ф. 229. Оп. 1. — Д. 93.
16. ГААК. — Ф. 4. — Оп. 1. — Д. 4678.
17. ГААК. — Ф. 4. — Оп. 1. — Д. 4686.
18. ГААК. — Ф. 4. — Оп. 1. — Д. 4687.
19. ГААК. — Ф. 4. — Оп. 1. — Д. 540.
20. Жидков, Г. П. Кабинетское землевладение (1747—1917 гг.) / Г. П. Жидков. — Новосибирск: Наука, 1973. — 264 с.
21. Жизнь Алтая: беспартийная, прогрессивная и литературная газета. — Барнаул, 1917.
22. Зыкова, Г. В. Хозяйственная деятельность крестьянских комитетов в 1917 г. // Исторический опыт хозяйственного освоения Сибири. XVII — XX вв. — Томск, 1994. — С. 137—149.
23. Иванцова, Н. Ф. Западносибирское крестьянство в 1917 — первой половине 1918 гг. / Н. Ф. Иванцова. — М.: Прометей, 1993. — 452 с.
24. Иванцова, Н. Ф. Сибирское крестьянство в 1917 — начале 1918 гг. / Н. Ф. Иванцова. — М.: Прометей, 1990. — 167 с.
25. Неизвестная Россия. XX век. Кн. II. — М.: Историческое наследие, 1992. — 384 с.
26. Новая жизнь: социал-демократическая газета. — Томск, 1917.
27. Поляков, С. Е. Влияние настроений крестьянства на ситуацию в Алтайском округе (весна 1917 — весна 1918 г.) // Алтайский сборник. Вып. 21. — Барнаул, 2004. — С. 41—51.
28. Протасов, Л. Г. Всероссийское Учредительное собрание: история рождения и гибели / Л. Г. Протасов. — М., 1997. — 368 с.

29. Съезды, конференции и совещания социально-классовых, политических, национальных и религиозных организаций Алтайской губернии (март 1917 — ноябрь 1918 гг.). — Томск, 1992. — 130 с.

30. Тяпкин, М. О. Охрана лесов томской губернии во второй трети XIX — начале XX в. / М. О. Тяпкин. — Барнаул: Азбука, 2006. — 225 с.

31. Тяпкин, М. О. Лесоохрана в Алтайском округе в 1908—1919 гг. / М. О. Тяпкин, С. Е. Поляков // Население, управление, экономика, культурная жизнь Сибири XVIII — начала XX вв. — Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2003. — С. 166—193.

32. Храмков, А. А. Земельная реформа в Сибири (1896-1916 гг.) и ее влияние на положение крестьян: учеб. пособие / А. А. Храмков. — Барнаул, 1994. — 91 с.

33. Шорников, М. М. Большевики Сибири в борьбе за победу Октябрьской революции / М. М. Шорников. — Новосибирск, 1963. — 647 с.